

А. Форрест¹**КОНТРАСТЫ ПАМЯТИ ОБ ОДНОМ СРАЖЕНИИ: ВАТЕРЛОО, 1815 г.***

doi: 10.30759/1728-9718-2019-2(63)-31-40

УДК 94

ББК 63.3(0)52

Битва при Ватерлоо была последним сражением Наполеона, которое покончило с его — и всей Франции — мечтой о панъевропейской империи. Оно заложило фундамент Европы XIX столетия. Однако в тех странах, чьи войска принимали участие в этом сражении, не существует общей памяти о нем. После 1815 г. лишь Британия стремилась превратить Ватерлоо в свой национальный триумф, изображая его как истинно британскую победу, достигнутую военным гением Веллингтона и определенными качествами британского характера. Голландцам же было свойственно не выпячивать свои военные доблести — они видели в сражении прежде всего династический триумф дома Оранских. В Пруссии, которая дала коалиции так много солдат, битве придавалось мало значения на фоне, например, чествования Лейпцигского сражения, происшедшего двумя годами ранее. А во Франции битве при Ватерлоо суждено было стать воплощением «славного поражения», которое скорее возвеличивало, чем умаляло наполеоновскую легенду перед Первой мировой войной. За более чем два столетия после 1815 г. эти контрастирующие вариации памяти претерпели эволюцию, оставив свой отпечаток на недавних коммеморациях — не в последнюю очередь на праздновании 200-летия Ватерлоо в 2015 г. В статье анализируется природа коллективной памяти и показано, в какой степени ее помогли формировать политические соображения, особенно в первые десятилетия после 1815 г. Сравнивая национальные вариации памяти о сражении, автор актуализирует проблему природы коллективной памяти о войне, исследует цели военных коммемораций.

Ключевые слова: *битва при Ватерлоо, победа, поражение, коммеморация, компаративная история, национальная память*

Большинство сражений прошлых веков стираются из публичной памяти по мере того, как исчезают из школьных курсов истории или замещаются в общественном сознании более поздними конфликтами. Продолжают помнить лишь о некоторых из них, причем сами их названия вызывают чувство гордости как высокодраматичные моменты в истории нации. Среди них — Ватерлоо, по крайней мере в Британии — стране, которая в сильнейшей степени идентифицирует себя с этой битвой. Недавно мне об этом напомнило одно событие. Во время перерыва между таймами на футбольном матче Премьер-лиги на манчестерском стадионе «Этихад» победители любительского

футбольного соревнования вышли на поле, чтобы получить свой приз. Это был ничем не примечательный момент, какие происходят на многих площадках по всей Англии и за ее пределами. Но мое внимание привлекло именно название команды. Как и многие другие приверженцы местной Воскресной лиги, эта команда называлась по имени паба, в котором ее игроки и болельщики, несомненно, собирались каждую неделю перед матчами. Насколько я знаю, они никак не были связаны с военной службой. Но, спустя 203 года после битвы, они звались «Героями Ватерлоо» — именем, которое даже в 2018 г. продолжает находить отклик у значительной части британского общества. Имя Ватерлоо до сих пор носят площади и мосты, а имя Веллингтона — городские улицы, точно так же, как вышеупомянутый паб в Эштон, чествующий «героев Ватерлоо» с момента своего открытия в начале XIX в. Во всех частях бывшей Британской империи — от Канады до Новой Зеландии — битва при Ватерлоо и ее победитель прославлены в названиях значительных городов: Ватерлоо в канадской провинции Онтарио является заметным университетским городом, в то время как Веллингтон на Северном острове Новой Зеландии

¹ Перевод — к.и.н. К. И. Зубков.

Форрест Алан — почетный профессор истории, Университет Йорка (Великобритания, г. Йорк); профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук (г. Москва)
E-mail: alan.forrest@york.ac.uk

* Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологии» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045

является ее столицей. В Соединенных Штатах Америки не менее чем в 14 штатах есть города, названные в честь этой битвы.² Иными словами, Ватерлоо не дают умереть. Память о нем жива во многих аспектах повседневной жизни, и через времена оно воплощает грань между памятью и забвением.

Но это, в свою очередь, поднимает вопросы более широкого плана. Почему сохраняется память о сражениях? Почему некоторые битвы запечатлены в общественном сознании больше, чем другие, становясь частью национальных нарративов, которые страны создают себе, особенно в периоды подъема национализма или национального строительства, чтобы они могли потом поддерживать их в минуты слабости или неуверенности, нарративов, которые могут превращаться в мифы о прошлом, о своем национальном характере или национальной идентичности? Такой битвой — по крайней мере для Британии — стало Ватерлоо, одно из немногих происходивших до XX в. сражений, величие которых, наряду с Трафальгаром и разгромом Испанской Армады, признано обществом. Примечательно, что две последние битвы происходили на море. Моряки Англии традиционно пользовались такой степенью общественной симпатии, до которой ее солдатам всегда было далеко. В Британии и в XVIII в. существовало недоверие к «солдатне» — простонародью, которое слишком часто ассоциировалось в общественном мнении с преступлениями, насилием и отчаянием, порожденным тюрьмой и работным домом. Даже Ватерлоо никогда не могло соперничать с Трафальгаром как с предметом гордости и воодушевления.³

Однако для многих британцев Ватерлоо имеет особое значение. Оно до сих пор предстает как олицетворение британских военных качеств, как ряд вдохновляющих образов, которые ассоциируются с британскостью — с крепким и основательным подходом к сражению, с мужеством и стойкостью в отражении вражеских атак, с выносливостью и решимостью, т. е. с качествами, которые контрастируют с образом французского оружия как с воплощением искусности, порывистой страсти и беспечного, на первый взгляд, отношения к жизни. Сегодня новое поколе-

ние осознает битву и ее место в истории через широкий ряд различных медиаобразов, будь то романы Бернарда Корнуэлла и их телевизионные адаптации,⁴ популярные песни группы «ABBA», компьютерные военные игры или исторические реконструкции на самом поле битвы. По всей Британии музейные кураторы «воспользовались» 200-летием битвы в 2015 г., чтобы устроить выставки и специальные мероприятия.⁵ Вероятно, мало людей осведомлено о деталях битвы, но большинство понимает ее главный итог — окончание Наполеоновских войн, разгром Наполеона — и тот сравнительно редкий в истории сухопутных войн факт, что это поражение ему нанес именно британский генерал — герцог Веллингтон. Одного этого достаточно, чтобы битва в Британии не была забыта.

Однако Ватерлоо было во многих отношениях обычной битвой — жестоким и кровавым столкновением, которое не вызывает немедленно в воображении образ славы.⁶ К началу дня две выстроившиеся друг против друга армии казались равными по силам: это были англо-голландская армия под командованием Веллингтона и французская армия Наполеона (который на этот раз не мог, конечно, призвать новобранцев из других частей своей европейской империи). Сильный дождь и вязкая грязь заставили Наполеона отложить свое наступление примерно на два часа, пока земля достаточно не подсохла, чтобы можно было перемещать по ней тяжелую артиллерию, и эта задержка оказалась роковой. Французские атаки вверх по склону, на позиции окопавшихся союзников, были отбиты, а аванпосты Веллингтона на фермах Угумон и Ла-Э-Сент упорно держались. Что было еще хуже для императора, его система коммуникаций не срабатывала, что ярче всего проявилось в неприбытии французских сил маршала Груши, который отвлекся на преследование пруссаков после битвы при Линьи, происшедшей двумя днями ранее. Как следствие, баланс сражения драматически изменился, и когда Веллингтон соединился с пруссаками Блюхера

⁴ См.: Cornwell B. *Sharpe's Waterloo: Richard Sharpe and the Waterloo Campaign, 15 June to 18 June 1815*. London, 2008.

⁵ См.: Parry C. *Battle lines: Museums and heritage sites are trying to raise awareness of the Battle of Waterloo // Museums Journal*. 2015. June. Vol. 115, iss. 6. P. 20–25.

⁶ История Ватерлоо многократно рассказана по разным поводам. Среди недавних работ см.: Logie J. *Waterloo: The 1815 Campaign*. Stroud, 2003; Roberts A. *Waterloo: Napoleon's Last Gamble*. Leicester, 2005; Corrigan G. *Waterloo: A New History of the Battle and its Armies*. London, 2015.

² См.: Uffindell A., Corum M. *On the Fields of Glory: The Battlefields of the 1815 Campaign*. London, 1996.

³ См.: *History, Commemoration and National Preoccupation: Trafalgar, 1805–2005*. Oxford, 2007.

примерно в 5 часов пополудни, а Груши так и не успел подойти, французы обнаружили, что сильно уступают противнику по численности. Последние часы битвы обернулись нескончаемой бойней, и хотя Старая Гвардия образовала каре и защищала своего императора до последнего, к концу дня армия Наполеона была разбита: она не могла ни перегруппироваться, ни продолжать бой. Если Ватерлоо не было достопамятной битвой с точки зрения тактики или внешней эффектности, то оно было решающей победой противника — поражением, от которого Франция не могла уже оправиться, чтобы продолжать борьбу, — и это, вероятно, больше всего объясняет ее значение в глазах британцев.

Потери были ужасающе высоки, особенно учитывая, что сражение происходило в течение одного дня на ограниченном пространстве, рядом с цивилизованной европейской столицей. В ходе битвы армия Веллингтона потеряла около 16 200 убитыми, ранеными и пропавшими без вести; пруссаки — свыше 7 000; а французские потери были примерно 31 000 убитыми и ранеными и тысячи взятых в плен.⁷ Ватерлоо было кровавой мясорубкой, беспощадным столкновением двух армий, которые были полны решимости биться на смерть. На следующее утро поле битвы было усеяно трупами; тяжелый от зловония смерти воздух пронзали стоны раненых. Трудно было «праздновать» битву, которая потребовала такой цены, — гораздо легче было соединиться во взрыве радости по поводу возвращения мира. Новость о победе Веллингтона — именно так об этом объявили — достигла Лондона тремя днями позже, 21 июня. О победе сообщили возбужденной толпе, охваченной радостью и ликованием. Лондон готовился к празднествам.⁸

Победы, как водится, лучше подходят для коммемораций, чем поражения, и легче заносятся в скрижали нации, как это показывают экспозиции любой национальной картинной галереи или военного музея. Лейпциг стал символом зарождающегося националистического движения в Германии XIX в.; Бородино — кульминацией русской войны 1812 г. Память о них отражена в разного рода публичных зрелищах: военных парадах и полковых смотрах, спортивных состязаниях и шоу

фейерверков. Коммеморация и празднование часто смешаны: нация не только вспоминает жертвы, но и вдохновенно радуется победе, испытывая гордость за подвиги, совершенные ее сынами на войне. Художники-баталисты запечатлевают деяния победоносных армий, портретисты изображают генералов и политических лидеров, которые вели их к победе, на потребу широкой публике чеканятся медали и проводятся фестивали. Великие победы превращаются в национальные торжества — с банкетами и тостами, танцами и фейерверками. На уровне масс мы видим изливания чувств облегчения и радости, и спонтанность таких торжеств не может вызывать сомнений. Но не всё является спонтанным. Есть также официально организуемые государственные торжества: парады к годовщинам, дни памяти для восхваления победоносных генералов или церковные службы для почитания погибших. Художники откликаются на правительственные заказы с целью запечатлеть тот или иной важный момент для последующих поколений.⁹ Такими средствами победители превращаются в национальных героев, в то время как проигравших часто предают забвению или возлагают на них вину за катастрофу.

Память, конечно, принимает различные формы и, как показывают недавние социальные исследования, со временем эволюционирует. Необходимо разграничивать различные типы памяти. С одной стороны, есть память тех, кто на своем опыте пережил сражение, кто был там, на кого этот опыт повлиял и кто продолжал передавать его другим, используя различные средства: это и устные рассказы в деревнях, барах и тавернах по всей Европе, и опубликованные письма, и мемуары, многие из которых еще отзывались в следующем поколении и возникали в ответ на публичный интерес и коммерческий спрос.¹⁰ Речь идет о том, что Ян и Алейда Ассман назвали «живой», или «коммуникативной», памятью, и при жизни ветеранов войны она должна была быть мощным источником общественных чувств и информации о войне. Но эту память необходимо отличать от того, что они обозначили термином «культурная», или «коллективная», память, т. е. от памяти целых обществ, которая

⁷ См.: Black J. Waterloo: the Battle that Brought Down Napoleon. London, 2010. P. XIII.

⁸ См.: Colby R. The Waterloo Despatch: The Story of the Duke of Wellington's Official Despatch on the Battle of Waterloo and its Journey to London. London, 1965. P. 9–32.

⁹ Об этом в Британии см.: Hoock H. The King's Artists: The Royal Academy of Arts and the Politics of British Culture, 1760–1840. Oxford, 2003.

¹⁰ См.: Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. London, 2002. P. 21–52.

формируется позднее, создается не опытом, полученным из первых рук, но часто тиражируемыми образами и государственной пропагандой, литературными тропами и расхожими истинами, укоренившимися в общественном сознании.¹¹ Историки и социологи спорят относительно того, что формирует коллективную память, но ее ключевым аспектом, определенно, является то, во что группы людей, живущих в более поздние периоды, превращают свое прошлое. Этот процесс Роберт Гильдеа обозначил как «коллективное конструирование прошлого сообществом настоящего».¹²

Именно коллективная память является центральной проблемой данной статьи, точнее, образ и восприятие Ватерлоо, какими они отложились в сознании последующих поколений, позволяя этой битве стать *lieu de mémoire* для Британии и, возможно, для значительной части Европы. Ватерлоо транслировалось в коллективной памяти от поколения к поколению, поскольку его прославляли в поэзии и живописи, вспоминали в столетних и других юбилейных коммеморациях, за него поднимали тосты на встречах однополчан и на государственных праздниках. Ватерлоо должно было продолжать жить, чтобы отражаться в поведении и в ответах на будущие вызовы, в тех «моделях ожиданий, враждебности и опасностей, чувствах унижения или маниях величия, которые передаются через поколения и часто непредсказуемы по своим последствиям».¹³ Войны и сражения часто являются предметом сильной и устойчивой коллективной памяти, когда нация создает свой собственный нарратив, касающийся ключевых моментов ее прошлого. И именно это происходило с Ватерлоо, поскольку все участвовавшие в этом сражении нации создали свои собственные интерпретации того, что происходило и почему это важно для их народов. Однако не все делали это с равной степенью осознанности или воодушевления, как показывает нам самое беглое сравнение памяти о войне в странах, которые сошлись на поле битвы.

Только Британия реально попыталась интегрировать Ватерлоо в свою идентичность, т. е. преподнести окончательную победу над Наполеоном как одно из решающих событий XIX столетия, честь свершения которого при-

надлежит исключительно ей.¹⁴ В созданном ею нарративе Ватерлоо было победой британского оружия, британской решимости и выдающихся черт британского национального характера, битва, в которой восторжествовали лучшая армия, лучший генерал и лучшее — высокоморальное — дело. Британия открыто взывала к чести нации, не боясь преувеличить роль битвы или ее всемирно-историческое значение.

В дни, когда объявили о победе, газета «Таймс» написала: «Ничто в древней или современной истории не сравнится с итогом победы при Ватерлоо».¹⁵ Ей вторил хор официальных и полуофициальных откликов. Поэт Роберт Саути полагал, что прежде только дважды в мировой истории были битвы такого значения, как Ватерлоо: когда греки разбили персов при Платеях в 479 г. до н. э. и когда Карл Мартелл отразил натиск мусульман у Тура в 742 г.¹⁶ Художник и писатель Бенджамин Роберт Хэйдон также превозносил важность победы при Ватерлоо и поражения Наполеона. Сохранился дневник художника — одна из самых замечательных автобиографических работ начала XIX в. В 1818 г. он пишет по случаю годовщины битвы: «Веллингтон, воистину, будет считаться будущими поколениями спасителем мировой культуры, поскольку наш век был бы отброшен назад — к невежеству и варварству, преуспей Демон в своей деспотической системе. Великий и Славный Человек — мое сердце бьется, когда я думаю о нем». Но автор отметил и принципиальный недостаток Веллингтона в глазах публики: «Я боюсь только, что он не обладает отзывчивостью сердца и не способен оценить те чувства, которые возбуждает в других».¹⁷ Современники были готовы признать герцога великим военным лидером, который умел вдохновлять служивших под его началом, и большинство военных историков согласятся с этой оценкой. Для Дональда Хорварда, например, его умение принимать решения, его качества как командую-

¹⁴ Широкое обсуждение того, какой представляла память о Ватерлоо среди участвовавших в сражении наций, можно найти в кн.: Forrest A. Waterloo. Oxford, 2015. См. также написанную автором главу в монографии: Famous Battles and How They Shaped the Modern World. Barnsley, 2018. По Британии см. отличную работу: Shaw P. Waterloo and the Romantic Imagination. Basingstoke, 2002.

¹⁵ The Times. 1815. 29 June. Цит. по: Shaw P. Op. cit. P. 1.

¹⁶ См.: Southey R. The Poet's Pilgrimage to Waterloo. London, 1816. P. 17, 18; Blanning T. 18 Juni 1815: Waterloo // Erinnerungstage: Wendepunkte der Geschichte von der Antike bis zur Gegenwart. Munich, 2010. P. 163.

¹⁷ Neglected Genius: The Diaries of Benjamin Robert Haydon, 1808–1846. London, 1990. P. 36, 37.

¹¹ См.: Assmann A. Transformations between History and Memory // Social Research. 2008. Vol. 75, iss. 1. P. 49–72.

¹² Gildea R. The Past in French History. New Haven, 1994. P. 10.

¹³ Cubitt G. History and Memory. Manchester, 2007. P. 22.

щего были вне сомнений: «Его личные черты лидерства, мужества, упорства, верности и харизмы на поле боя произвели на свет европейского полководца, чей успех мог затмить только гений Наполеона».¹⁸

Это значение, возможно, упрощалось публичной, чей патриотизм было сравнительно легко эксплуатировать на волне разгрома Наполеона и для которой Ватерлоо казалось источником бесконечного восхищения. Это иллюстрируется, например, растущей популярностью туризма на поле битвы Ватерлоо уже в первые месяцы после нее. И не все, кто приезжал, были мужчинами.¹⁹ Некоторые пересекали Ла-Манш специально для того, чтобы увидеть поле великой битвы и увезти оттуда сувениры.²⁰ Но развернутое вокруг битвы паблисити имело также политическую цель, и эта цель шла гораздо дальше, чем поддержка правящего кабинета или добавление популярности генералу, для которого открылась новая дипломатическая и политическая карьера. Престиж британской монархии был низок, и британское государство, вступая в Наполеоновские войны, не было объединенным. Действительно, природа британской идентичности по-прежнему оспаривалась шотландцами, ирландцами и, в меньшей степени, валлийцами, задававшими вопросом о своем месте в Соединенном (как утверждалось) Королевстве.²¹ Ведь XVIII столетие было беспокойным периодом для самой Британии. После якобитских восстаний против Ганноверской династии — восстаний, которые сблизили, по крайней мере, некоторую часть шотландских подданных короля с историческим соперником Британии и ее противником в войне — Францией, шотландский Хайлэнд все еще считался местом, где таилась измена. И если было ощущение, что Шотландия после Унии 1707 г. еще не была интегрирована должным образом в Соединенное Королевство, то насколько более ненадежной виделась лояльность ирландцев, которым открыто не доверяли после восстания Уолфа Тона в 1798 г., угрожавшего превратить остров в рассадник

насилий Французской революции и в плацдарм для французского вторжения в Британию.²² В начале XIX в. Ирландия по-прежнему считалась вероятным источником подстрекательства к мятежу, и Ватерлоо было полезной формой политического цемента — средством воссоединения того, что за фасадом единства правительства и короля воспринималось все больше как разъединенное королевство.

Если война могла воссоединить нацию, то Ватерлоо было возможностью, которую нельзя было упустить, и с этой целью были предприняты все усилия для того, чтобы подчеркнуть роль каждой из составляющих Британию наций в этой победе. И Шотландия, и Ирландия гордились своим воинским прошлым и играли диспропорционально высокую роль в милитаризации Британии во время Наполеоновских войн, в чем проявлялась осторожная политика интеграции. Если шотландцы и ирландцы жаждали сражаться, то, по мнению Лондона, они могли бы сражаться за Британию, а не поднимать против нее флаг мятежа. Так, согласно Джону Куксону, в 1813 г. шотландцы составляли около четверти всех офицерских чинов, а поколение спустя, в 1830 г., свыше половины армейских подофицерских чинов были уроженцами либо Шотландии, либо Ирландии.²³ В сражении при Ватерлоо шотландские полки сыграли выдающуюся роль, хотя и не столь значительную, какой она предстает в шотландском военном фольклоре. Из 39 британских полков, находившихся на поле битвы, только 8 были шотландскими, при этом шотландцы составляли менее пятой части всех солдат, участвовавших в сражении. Но в ключевых военных схватках, особенно в кавалерийской атаке против пехоты д'Эрлона и в боях за Угумон, шотландские подразделения понесли тяжелые потери, и воинская слава, завоеванная ими при Ватерлоо, продолжала играть важную роль в их полковых традициях. В частности, в 1820–1830-х гг. образ солдата-хайлэндера, щеголяющего своим клановым тартаном, станет стереотипом британской военной идентичности и будет принят с энтузиазмом такой лоббистской группой, как лондонское Общество Хайлэнда, которое после Ватерлоо в течение двух столетий

¹⁸ Horward D. D. *Wellington as a Strategist, 1808–14* // *Wellington: Studies in the Military and Political Career of the First Duke of Wellington*. Manchester, 1990. P. 113.

¹⁹ Как пример, см.: Matthews S. *Charlotte Malkin's Waterloo Diary and the Politics of Waterloo Tourism* // *Literature Compass*. 2014. Vol. 11, iss. 3. P. 218–231.

²⁰ См.: Seaton A. V. *War and Thanatourism: Waterloo, 1815–1914* // *Annals of Tourism Research*. 1999. Vol. 26. P. 133.

²¹ См.: Colley L. *Britons: Forging the Nation, 1707–1837*. New Haven, 1992. P. 7–9.

²² О восстании 1798 г. и Объединенных Ирландцах существует богатая литература. См., напр.: Elliott M. *Wolfe Tone*. Liverpool, 2012; O'Donnell R. *Robert Emmet and the Rebellion of 1798*. Dublin, 2003.

²³ Cookson J. *The British Armed Nation, 1793–1815*. Oxford, 1997. P. 126, 127.

использовало его в нескончаемых кампаниях с тем, чтобы препятствовать расформированию особых шотландских полков и утрате их традиций.²⁴ Такие полотна, как «Бой за знамя» Ричарда Анселла и «Атака шотландских “серых” драгун» леди Батлер, возможно, не принадлежат к шедеврам искусства XIX в., но они воссоздали некоторые из самых запоминающихся образов битвы, и в каждом случае в центре картины — фигура шотландского горца в килте.²⁵ Были сделаны политический и культурный акцент.

Если Британия имела политические причины в разных формах торжествовать победу, то это же делали и другие союзные нации. Но цели и смысл таких национальных коммемораций были очень различны. В самом деле, именно контрасты в тех способах, которыми нации соотносили себя с этой битвой и затем стремились адаптировать это в собственных политических целях, делают процесс коммеморации таким интересным. Из составных частей англо-голландской армии Веллингтона только Британия стремилась превратить победу в заявление о своих национальных ценностях и боевых качествах. Ни голландцы, ни бельгийцы не идентифицировали в такой степени эту победу со своей нацией. Конечно, ганноверцы из Королевского Германского Легиона гордились своим заметным вкладом в победу, но, поскольку они были частью британской армии, для них было затруднительно преподнести его как что-то обособленное. И хотя пруссаки были ключом к победе, они тоже не были склонны считать эту битву чем-то большим, чем просто военный успех. Их национальная идентичность скорее должна была ярче всего воплотиться в чем-то ином, в частности в Лейпцигском сражении. По своему значению Ватерлоо не могло сравниться в германской национальной памяти с Лейпцигом. Каждая нация вспоминала Ватерлоо по-своему, и при этом все было рассчитано на свою собственную аудиторию и отражало особые политические интересы момента.

Голландия — страна, которая, как и Англия, традиционно была связана с морем и с морской торговлей, но она не была склонна превозносить боевые качества своей нации

и предпочла ассоциировать битву с династическим триумфом дома Оранских. С этой целью голландцы создали собственный нарратив сражения, который сфокусировался на роли их молодого принца Виллема Оранского, командовавшего на поле Ватерлоо голландскими войсками в составе армии Веллингтона. Для большинства военных экспертов, а также и для самого герцога Веллингтона, который суховатым отметил, что «принц — храбрый юноша, но и только», Виллем не был выдающимся командиром, а его армейская служба была непримечательной.²⁶ Но его соотечественники не были согласны с этим. Принц был ранен в сражении, и его чествовали как национального героя, который пролил свою кровь в сражении с Наполеоном, борясь за освобождение Голландии от угрозы наполеоновской реставрации. Для сторонников дома Оранских фигура принца была крайне необходима, поскольку он помог гарантировать Венские решения, которые освободили Голландию и от австрийской опеки, и от французской оккупации, вознаградив ее аннексией Бельгии и инкорпорацией ее в расширенное Королевство Нидерландов. Поэтому Ватерлоо изображалось в подчеркнуто династических терминах, в большей степени как победа дома Оранских, чем победа голландского оружия или национального характера. И именно поэтому голландская память о битве была сконструирована вокруг молодого принца и продолжала превозносить его жертвенность. Есть два наиболее примечательных памятника его храбрости. Первый — это доминирующая в экспозиции одного из залов Королевского музея в Амстердаме картина Яна Виллема Пинеманна, изображающая битву при Ватерлоо с портретом молодого принца в центре композиции.²⁷ Но самый знаменитый памятник — это Лев Ватерлоо, который венчает холм, специально насыпанный на поле битвы. Это голландский памятник, торжественно открытый в 1826 г. на том самом месте — по крайней мере, так утверждается — где был ранен Виллем. Этот монумент предназначен запечатлеть голландский вклад в победу, даже если сегодня большинство тех, кто посещает поле битвы, с большей готовностью ассоциируют его с Наполеоном, чей

²⁴ См.: French D. *Military Identities: The Regimental System, the British Army and the British people, 1870–2000*. Oxford, 2005. P. 240.

²⁵ См.: Pearce S. *The material of war: Waterloo and its Culture* // Bonehill J., Quilley G. *Conflicting Visions: War and Visual Culture in Britain and France, 1700–1830*. Aldershot, 2005. P. 218.

²⁶ См.: Foulkes N. *Dancing into Battle: A Social History of the Battle of Waterloo*. London, 2006. P. 21.

²⁷ См.: Loos W., Jansen G., Kloek W. *Waterloo, Before and After: Paintings from the Rijksmuseum in Amsterdam, 1800–1830*. Amsterdam, 1997.

военный гений, великий даже в поражении, они приезжают почтить.²⁸ Для многих посетителей Ватерлоо в меньшей степени является местом, где была выиграна великая битва, и в большей — местом, где была окончательно похоронена мечта Наполеона об империи.

Вероятно, странно, что Германия никогда не стремилась извлечь дивиденды из своей роли в битве, несмотря на то что при подсчете всех солдат, вовлеченных в сражение в течение дня, выясняется, что на поле битвы присутствовало больше немцев, чем представителей любой другой страны. Но тогда, при Ватерлоо, немцы не представляли собой единства: солдаты и офицеры Королевского Германского Легиона сражались в составе британской армии, в то время как пруссаки, сражавшиеся под своим собственным флагом, прибыли для поддержки англо-голландской армии позднее. Вмешательство Блюхера было своевременным и во многих отношениях решающим, поскольку оно обеспечило союзникам огромный численный перевес и определенно лишило Наполеона всяких шансов. Блюхер являлся, конечно, прусским героем, и особенно из-за его почтенного возраста ко времени сражения; его почитали по всей Пруссии — не меньше, чем в его родном городе Ростоке. Но его чтят за его военную карьеру вообще, а не конкретно за Ватерлоо, которое не считалось собственно германской победой или общим германским делом, каким был Лейпциг двумя годами ранее. Лейпциг всегда будет занимать самое выдающееся место в германской публичной памяти: битва происходила в Саксонии, на германской земле, в окрестностях крупного города, и принесла огромные потери и страдания гражданскому населению. Германские националисты ухватились за «Битву Народов» как за исключительно германскую победу над Наполеоном, и она в течение всего столетия являлась воплощением великого германского национального мифа как момент, когда другие германские правители — как немцы — делали общее дело с Пруссией в стремлении изгнать французов из германской Центральной Европы.²⁹ И хотя этот миф лишь отчасти соответствовал истине, в 1863 г. 50-я годовщина Лейпцигского сраже-

ния праздновалась гораздо величественнее, чем 50-летие победы в битве при Ватерлоо двумя годами позднее.³⁰ Празднованиям годовщины Ватерлоо в Германии всегда придавалось мало значения, кроме разве что Ганновера, где ежегодно чтит память офицеров и солдат Королевской Германской Лиги на площади, отведенной для военных парадов (и названной соответственно — Ватерлоо-плац), причем продолжали это делать даже после того, как это государство перестало управляться британским монархом после вступления в 1837 г. на престол королевы Виктории.³¹

Таким образом, среди союзных держав-победительниц формы и акценты коммемораций были очень разными, а в случае Германии — явно подчиненными. Но союзным нациям было гораздо легче: они праздновали победу своих армий и отмечали их роль в падении Наполеона. Для Франции связанные с Ватерлоо коммеморации были намного более затруднительными: любое публичное чествование жертв, принесенных последней армией Наполеона, было довольно щекотливым вопросом. Ватерлоо было сокрушительным поражением, которое имело своим результатом не только разгром французской армии, после чего она уже не могла оправиться, но и завершение войны, приведшее ко второму отречению Наполеона и второй реставрации Бурбонов. Даже если многие утомленные войной французы были счастливы теперь видеть императора сосланным на Святую Елену, а некоторые в самом деле стали убежденными роялистами и приветствовали реставрацию, тем не менее способ, каким это свершилось, воспринимался как национальное унижение. Ватерлоо имело результатом более суровые условия мирного договора, еще большие потери французской территории, огромные репарации и присутствие во Франции оккупационной армии до тех пор, пока они не будут выплачены.³² И едва ли удивительно, что в Париже нет улиц и площадей, которые напоминали бы о битве, нет и памятников героям Ватерлоо, хотя в армии Наполеона погибли тысячи

²⁸ См.: Raxhon P. *Le Lion de Waterloo, un monument controversé // Waterloo, lieu de mémoire européen*. Louvain-la-Neuve, 2000. P. 151–160.

²⁹ См.: Tebbe J. *Revision and “Rebirth”*: Commemoration of the Battle of Nations in Leipzig // *German Studies Review*. 2010. N. 33. P. 618–640.

³⁰ См.: Hagemann K. *Celebration, Contestation and Commemoration: The Battle of Leipzig in German memories of the Anti-Napoleonic Wars // War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions*. Basingstoke, 2016. P. 335–352.

³¹ См.: Heinzen J. *The Forgotten Victory: Germans and the Battle of Waterloo, 1815–2015 // The RUSI Journal*. 2015. Vol. 160, iss. 3. P. 70–75.

³² Об отношении французов к условиям мира, навязанным им в Вене, см.: Sédoux J.-A. de. *Le Congrès de Vienne: l'Europe contre la France, 1812–1815*. Paris, 2003.

храбро сражавшихся французских солдат. Вызовом для Франции стал поиск возможности чтить память людей, которые сражались при Ватерлоо, не щадя себя и не разделяя бонапартистскую мечту об империи.

Большую часть XIX в. битва при Ватерлоо оставалась окутанной туманом романтической мрачности, что лучше всего выражено в словах знаменитой оды Виктора Гюго «*Waterloo, morne plaine*» («Ватерлоо, мрачная долина»), обращенных к холодным лугам, лежащим к югу от Брюсселя, затянутым туманом и дождем бельгийского утра, и к нации, погруженной в муки, горюющей по своей утраченной империи.³³ Ватерлоо вызывало в воображении образ вечной скорби, повергнутой армии, жестоко разбитой имперской мечты. Это было, конечно, поражение, жестокое и отрезвляющее, но поражение, в котором искали утешения. Французы позволяли себе с ностальгией оглядываться назад и мечтать о славе, которая была так близка; они оплакивали жестокую судьбу, которая привела пруссаков Блюхера на поле битвы, куда французское подкрепление маршала Груши не поспевало. Звезда Наполеона, считали они, покинула его в критический момент. Для поколения, воспитанного романтической литературой — от Виктора Гюго до «*Страданий юного Вертера*», — Ватерлоо было ускользнувшей победой, ярким воплощением «славного поражения», которое могло только питать наполеоновскую легенду.³⁴ Со временем этот образ не померк. Позднее, в том же веке, Шарль Пегги резюмирует чувства своего поколения, когда напишет: «Есть поражения, *Waterloo morne plaine*, которые больше, чем любая победа, которые более позитивно, чем любая победа, запечатлевают себя в памяти людей, в общей памяти человечества».³⁵ Это как раз те образы, которые будут представлены поколениям французских школьников в «Малом Лависсе» — республиканском учебнике французской истории, который станет опорным в учебной программе начальной школы в годы до и после Первой мировой

войны.³⁶ И сегодня во Франции Ватерлоо вспоминают именно как «славное поражение».

Действительно, во французской памяти о Ватерлоо доминируют два повторяющихся образа, которые подчеркивают французские качества верности и неповиновения судьбе в самой отчаянной ситуации. Один образ — это финальное сопротивление Старой Гвардии, которая без колебаний отдала свои жизни, образовав каре и защищая своего Императора во время союзной кавалерийской атаки. Это мужество отчасти спасло репутацию войск Наполеона, даже несмотря на их поражение. Другой образ — это простая цитата, всего несколько слов, по всей вероятности, апокрифических, которые приписываются Камброню, одному из генералов, находившихся в этот день на поле битвы, когда пруссаки атаковали его войска. «Гвардия умирает, — прорычал Камброн, — но не сдается».³⁷ Возможно, Франция хотела верить, что так и было. Его слова, которые стали известны последующим поколениям как «*le mot de Cambronne*», в сжатой форме выражают французский взгляд на битву, подчеркивая самоотверженность и жертвы за дело нации. Они будут цитироваться многократно, начиная с 1815 г., в политических речах, школьных учебниках, в популярных песнях и карикатурах. Действительно, первым памятником во Франции кому-либо из ветеранов Ватерлоо, торжественно открытым в 1849 г., стала статуя Камброна, возведенная по публичной подписке в его родном городе Нанте. И это вполне объяснимо, поскольку французы были необычайно привязаны к этому грубому и прямолинейному солдату из долины Луары, наполеоновскому лоялисту, который сопровождал своего императора на Эльбу и был с ним до его возвращения во время Ста Дней. И именно его мужеству и решимости они отдают дань. Камброн, вероятно, больше, чем кто-либо, придал внешний ореол славы последней битве Наполеона и выразил самую суть отношения французов к Ватерлоо как к «славному поражению».³⁸

³³ Текст на английском языке см.: Hugo V. Waterloo / trans. by Norman Denny. London, 2016.

³⁴ См.: Largeaud J.-M. Napoléon et Waterloo: la défaite glorieuse de 1815 à nos jours. Paris, 2016.

³⁵ Actes du Colloque Napoléon, Stendhal et les Romantiques: l'armée, la guerre, la gloire. Paris, 2002. P. 9.

³⁶ См.: Lavissee E. Histoire de France: cours élémentaire. Paris, 1913. P. 155, 156.

³⁷ 'La Garde meurt, mais ne se rend pas' (фр.).

³⁸ Garnier J. Pierre-Jacques-Étienne Cambronne, vicomte // Tullard J. Dictionnaire Napoléon: 2 vol. Paris, 1999. Vol. 1. P. 355.

Alan Forrest

Emeritus professor of History, University of York (Great Britain, York); professor, State Academic University for the Humanities (Russia, Moscow)
E-mail: alan.forrest@york.ac.uk

CONTRASTING MEMORIES OF A BATTLE: WATERLOO, 1815

Waterloo was Napoleon's final battle, the engagement which ended his and France's dream of a pan-European empire. It laid the foundations of nineteenth-century Europe. Yet there is no common memory of the battle in the countries whose troops took part in it. In the years after 1815 only Britain sought to turn Waterloo into a national triumph, depicting it as a very British victory gained by Wellington's military genius and the supposed attributes of the British character. The Dutch tended to play down their martial qualities and emphasized the dynastic triumph of the House of Orange. In Prussia, which contributed so many soldiers to the Allied cause, little prominence was given to the battle, in contrast to the celebration of the Battle of Leipzig two years earlier. And for France, Waterloo would become the very epitome of a 'glorious defeat', which would add to, rather than detract from, Napoleon's legend in the years before the First World War. These contrasting memories have evolved over the two centuries since 1815 and have left their mark on recent commemorations of the battle, not least at the time of the Bicentenary of Waterloo in 2015. The article looks at the nature of collective memory and shows how far political considerations helped to shape it, especially in the decades immediately following 1815. By comparing national memories of the battle the article raises questions about the nature of the collective memory of war and the purpose of military commemoration.

Keywords: *battle of Waterloo, victory, defeat, commemoration, comparative history, national memory*

REFERENCES

- Assmann A. Transformations between History and Memory. *Social Research*, 2008, vol. 75, iss. 1, pp. 49–72. (in English).
- Black J. Waterloo: the Battle that Brought Down Napoleon. London: Icon, 2010, 256 p. (in English).
- Blanning T. *18 Juni 1815: Waterloo* [18 June 1815: Waterloo]. *Erinnerungstage: Wendepunkte der Geschichte von der Antike bis zur Gegenwart* [Remembrance Days: turning points in history from antiquity to the present]. Munich: C. H. Beck, 2010, p. 163. (in Dutch).
- Colby R. The Waterloo Despatch: The Story of the Duke of Wellington's Official Despatch on the Battle of Waterloo and its Journey to London. London: Her Majesty's Stationery Office, 1965, 43 p. (in English).
- Colley L. Britons: Forging the Nation, 1707–1837. New Haven: Yale University Press, 1992, 429 p. (in English).
- Cookson J. The British Armed Nation, 1793–1815. Oxford: Oxford University Press, 1997, 286 p. (in English).
- Corrigan G. Waterloo: A New History of the Battle and its Armies. London: Atlantic Books, 2015, 341 p. (in English).
- Cubitt G. History and Memory. Manchester: University of Manchester Press, 2007, 272 p. (in English).
- Elliott M. Wolfe Tone. Liverpool: Liverpool University Press, 2012, 545 p. (in English).
- Famous Battles and How They Shaped the Modern World. Barnsley: Pen and Sword, 2018, 197 p. (in English).
- Forrest A. Napoleon's Men: The Soldiers of the Revolution and Empire. London: Hambledon, 2002, 248 p. (in English).
- Forrest A. Waterloo. Oxford: Oxford University Press, 2015, 256 p. (in English).
- Foulkes N. Dancing into Battle: A Social History of the Battle of Waterloo. London: Weidenfeld and Nicolson, 2006, 230 p. (in English).
- French D. Military Identities: The Regimental System, the British Army and the British people, 1870–2000. Oxford: Oxford University Press, 2005, 404 p. (in English).
- Garnier J. *Pierre-Jacques-Étienne Cambronne, vicomte* [Pierre-Jacques-Etienne Cambronne, viscount]. *Tulard J. Dictionnaire Napoléon* [Napoleon Dictionary]. Paris: Fayard, 1999, vol. 1, p. 355. (in French.).
- Gildea R. The Past in French History. New Haven: Yale University Press, 1994, 418 p. (in English).

- Hagemann K. Celebration, Contestation and Commemoration: The Battle of Leipzig in German memories of the Anti-Napoleonic Wars. *War, Demobilization and Memory: The Legacy of War in the Era of Atlantic Revolutions*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016, pp. 335–352. (in English).
- Heinzen J. The Forgotten Victory: Germans and the Battle of Waterloo, 1815–2015. *The RUSI Journal*, 2015, vol. 160, iss. 3, pp. 70–75. (in English).
- History, Commemoration and National Preoccupation: Trafalgar, 1805–2005. Oxford: Oxford University Press, 2007, 130 p. (in English).
- Hook H. The King's Artists: The Royal Academy of Arts and the Politics of British Culture, 1760–1840. Oxford: Oxford University Press, 2003, 367 p. (in English).
- Howard D. D. Wellington as a Strategist, 1808–14. *Wellington: Studies in the Military and Political Career of the First Duke of Wellington*. Manchester: Manchester University Press, 1990, p. 113. (in English).
- Largeaud J.-M. *Napoléon et Waterloo: la défaite glorieuse de 1815 à nos jours* [Napoleon and Waterloo: the glorious defeat from 1815 to the present day]. Paris: La Boutique de l'Histoire, 2016, 462 p. (in French).
- Logie J. Waterloo: The 1815 Campaign. Stroud: Spellmount, 2003, 240 p. (in English).
- Loos W., Jansen G., Kloek W. Waterloo, Before and After: Paintings from the Rijksmuseum in Amsterdam, 1800–1830. Amsterdam: Rijksmuseum, 1997, 100 p. (in English).
- Matthews S. Charlotte Malkin's Waterloo Diary and the Politics of Waterloo Tourism. *Literature Compass*, 2014, vol. 11, iss. 3, pp. 218–231. (in English).
- Neglected Genius: The Diaries of Benjamin Robert Haydon, 1808–1846. London: Faber & Faber, 1990, 2374 p. (in English).
- O'Donnell R. Robert Emmet and the Rebellion of 1798. Dublin: Irish Academic Press, 2003, 285 p. (in English).
- Parry C. Battle lines: Museums and heritage sites are trying to raise awareness of the Battle of Waterloo. *Museums Journal*, 2015, June, vol. 115, iss. 6, pp. 20–25. (in English).
- Pearce S. The material of war: Waterloo and its Culture. *Bonehill J., Quilley G. Conflicting Visions: War and Visual Culture in Britain and France, 1700–1830*. Aldershot, 2005, pp. 218. (in English).
- Raxhon P. *Le Lion de Waterloo, un monument controversé* [The Lion of Waterloo, a controversial monument]. *Waterloo, lieu de mémoire européen* [Waterloo, Place of European memory]. Louvain-la-Neuve: Academia-Bruylant, 2000, pp. 151–160. (in French).
- Roberts A. Waterloo: Napoleon's Last Gamble. Leicester: Harper Perennial, 2005, 160 p. (in English).
- Seaton A. V. War and Thanatourism: Waterloo, 1815–1914. *Annals of Tourism Research*, 1999, vol. 26, pp. 130–158. (in English).
- Sédouy J.-A. de. *Le Congrès de Vienne: l'Europe contre la France, 1812–1815* [The Congress of Vienna: Europe against France, 1812–1815]. Paris: Perrin, 2003, 308 p. (in French).
- Shaw P. Waterloo and the Romantic Imagination. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 260 p. (in English).
- Tebbe J. Revision and "Rebirth": Commemoration of the Battle of Nations in Leipzig. *German Studies Review*, 2010, no. 33, pp. 618–640. (in English).
- Uffindel A., Corum M. On the Fields of Glory: The Battlefields of the 1815 Campaign. London: Greenhill, 1996, 360 p. (in English).